

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Проблемы текстологии Владимира Щиrowsкого (по материалам ЦГАЛИ СПб)

Владимир Щиrowsкий (июль 1909 — июль 1941) стал известен любителям поэзии после того, как в 1989 г. в журнале «Огонек» поэтом Е. А. Евтушенко были опубликованы пять его стихотворений, переданных сестрой первой жены Щиrowsкого Александрой Николаевной Доррер¹. Все журнальные публикации и публикации в коллективных сборниках, последовавшие за этим, были основаны на материалах из ее личного архива². В начале 1990-х гг. архив был передан владелицей в ЦГАЛИ СПб (Ф. 519, д. 1—8), но только в 2006 г. автор этих строк приступил к изданию сборника стихотворений и поэм Щиrowsкого³. Сборник увидел свет зимой 2007 г.⁴ В этой статье обобщается опыт текстологической работы над материалами архива Доррер (далее Д)⁵.

Несколько слов о биографии Владимира Евгеньевича Щиrowsкого. Он родился в семье царского сенатора. Далее процитируем предисловие к подборке стихов в сетевом альманахе «Русская неофициальная поэзия»: «Из Москвы семья Щиrowsкого переехала в Харьков, там он начал учиться в первом классе харьковской мужской гимназии. После революции закончил школу-семилетку и музыкальное училище. Стихи начал писать рано. В 1926 г. поступил в Ленинградский университет, однако вскоре был исключен “за сокрытие соц-происхождения”. После этого работал сварщиком на строительстве Балтийского вокзала. В 1930 г. возвратился в Харьков. В 1931 г. был призван в армию, служил при харьковском горвоенкомате. Дважды был арестован. В 1933 г. жил в Москве, затем в 1934 г. переехал в Керчь, где устроился заведующим художественным радиовещанием, а затем руководителем художественной самодеятельности в Доме пионеров и в клубе имени Энгельса. В эти годы он переписывался с Б. Пастернаком, показывал свои стихи М. Волошину и Н. Тихонову. При жизни В. Щиrowsкого ни одно из его стихотворений света не увидело. В июле 1941 г. Владимир Щиrowsкий был призван в армию, тяжело ранен в одном из первых боев под Геническим, погиб в результате прямого попадания бомбы в машину с ранеными. Многие его стихи, а также переписка погибли в Керчи во время войны»⁶.

Наследие поэта представляет собой интересный текстологический случай. Подобно античным поэтам, Щиrowsкий не оставил автографов: все его стихи переписаны с каких-то древних манускриптов первой женой поэта Екатерины Николаевны Рагозиной-Щиrowsкой и сестрой первой жены А. Н. Доррер. В настоящее время мы имеем три вида источников: 1) тетради 1950-х гг.⁷ со стихотворениями 1923—1941 гг., почерк Е. Н. Щиrowsкой, чернила (Д. 3, 4, 5); 2) машинопись стихотворений и поэм 1930—1939 гг., дата неизвестна, машинистка неизвестна (Д. 1, 2); 3) письмо Е. Н. Щиrowsкой к А. Н. Доррер от 2 сентября 1955 г., заключительной частью которого являются 3 стихотворения 1940—1941 гг. (Д. 7). Во всех этих копиях полно грамматических ошибок и часто отсутствует пунктуация. Некоторые стихи записаны по памяти, с пропуском строк и даже целых строф, о чем свидетельствуют отточия после двух строк вместо следующих двух или отточия после строфы, которые не могут иметь запланированного поэтом эффекта недосказанности (ТД, с. 3, 13, 69). От руки самого Щиrowsкого осталась только записка в одну строчку, обращенная к А. Н. Доррер: «пришел, но Вас дома не застал» (Д. 6). К этому нужно прибавить, что при жизни поэт не опубликовал ни одного стихотворения и не составил из своих стихов сборник. Итак, на руках у текстолога оказывается корпус не только без малейшего проявления авторской воли, но и без следов авторской работы, с многочисленными шумами в виде неверно написанных слов, неправильно расставленных или вовсе не расставленных знаков препинания, не говоря уже о пропуске строк и строф. В некоторых случаях отсутствует конец стихотворения (ТД, с. 68). К шумам источников добавляются шумы публикаций. Откуда ни возьмись, в посмертных публикациях возникают варианты, не встреченные мной в архиве поэта. Публикаторы меняют датировки и названия местностей, произвольно выбирают варианты отдельных строк.

Таким образом, можно констатировать три основных проблемы: 1) проблема аутентичности при переписке стихотворения через 10—20 лет после его сочинения; 2) проблема окончательного варианта при наличии нескольких; 3) проблема публикаторского своеволия в 1980—1990-х гг.

Проблема аутентичности, как ни странно, решается довольно просто. Я предполагаю, что Е. Н. Щиrowsкая переписывала стихи со старого подлинника, но, во-первых, сама имела плохую грамотность, а во-вторых, и поэт не утруждал себя выписыванием всех знаков препинания. Поэтому, даже копируя стих абсолютно точно, переписчица,

тем не менее, не могла воспроизвести партитуру авторского текста, поскольку таковая отсутствовала и в подлиннике. Но на чем же основано мое предположение о существовании старого подлинника? Приведу только один пример.

В предыдущих публикациях стихотворения «Танец души» можно прочесть такую строфу о воспоминаниях Души:

Все — как женилась, шутила и плакала,
Злилась, старела, любила детей,
Бред, лепетанье плохого оракула,
Быта похабней и неба пустей...

Или даже:

Все — как женилась, шутила и плакала,
Злилась, старела, любила детей.
Бред, лепетанье плохого оракула,
Быта похабней и неба пустей.

Но в подлиннике после «детей» выразительное сочетание запятой с тире, меняющее смысл предложения:

Все — как женилась, шутила и плакала,
Злилась, старела, любила детей, —
Бред, лепетанье плохого оракула,
Быта похабней и неба пустей...⁸

Обратим внимание на то, как от этого знака меняется смысл строфы. Если в первом варианте (который, замечу, придуман невнимательными публикаторами) душа перечисляет, наряду с эмоциями и возрастными, еще и какое-то лепетанье плохого оракула, то в подлиннике все произошедшее с душой в ее плотской жизни *есть* бред и лепетанье плохого оракула. Вряд ли переписчица смогла бы так точно соблюсти пунктуацию в данном случае (в большинстве случаев ей это не удастся). Следовательно, необходимо предположить существование автографии, в которой содержалась такая пунктуация.

Теперь о датировках. Во всех предыдущих публикациях стихотворений ленинградского периода стоит «1929, Ленинград». Но в рукописи всюду «1929, Петербург» (ТД, с. 17–25). Это очень важная деталь: для Щириковского в конце 1920-х гг. не существует города под названием Ленинград. Это позиция, но позицию поэта почему-то скрывали все

без исключения публикаторы: одни — по причине лояльности Советской власти, другие — по причине соблюдения исторической точности (ведь с 1924 г. Петроград уже был Ленинградом, а Петербург перестал существовать еще в 1914 г.). Самого же поэта никто не спросил. Еще один примечательный палеографический факт. Во всех публикациях датой стихотворения «Танец души» названо 1 января 1941 г. Но в реальности все куда сложнее. Единственная копия этого шедевра дошла до нас из письма Щировской к Доррер, и там в конце стоит очень странная дата: написано «1 января 1940 г.», но прямо на нуле сверху вписана цифра «1» (Д. 7, л. 2 внизу). Принимать ли первый вариант за описку жены поэта, или ее мучили сомнения по поводу даты — 40-й или 41-й? Неясно, а ввиду отсутствия подробных сведений биографического характера, боюсь, не будет ясно никогда. Но в любом случае публиковать это стихотворение нужно с полной датой, ибо написано оно в конкретный день, в первый день Нового года (правда, точно не ясно, какого).

Но даты датами, а, как говорил классик, «были в спальне вещи и похуже». Некоторые курьезы откровенно ставят издателя в тупик. Так, например, в тетради 1954 г. есть стихотворение, названное «Акростих» и посвященное Анне Петровне Шатиловой⁹. Следовало бы ожидать, что из первых букв каждой его строки сложится что-нибудь типа «Анна Шатилова». Но вместо этого — представьте себе — складывается «Кита Городецкая». Допустить, что это одно и то же лицо, не представляется возможным. Следовательно, можно предположить или ошибку переписчицы, извлекшей из памяти неверный адресат, или — что тоже бывает — какую-то ассоциацию между Анной и Китой (например, печальную: умершая Кита была подругой Анны).

Обратимся теперь к вариантам отдельных строк. Они встречаются в различных копиях одного стихотворения, но иногда вписываются один поверх другого в одной копии. Возникают, как минимум, две проблемы: а) это авторские варианты или произвол переписчицы?; б) есть ли среди этих вариантов окончательный? Ответ на первый вопрос: это авторские варианты, переписанные с несохранившегося подлинника. Предполагать это позволяет плохая грамотность переписчицы, ее явная удаленность от художественного творчества и вообще от процесса писания. На второй вопрос ответа нет, поскольку неизвестна последняя авторская воля, и, скорее всего, можно говорить о ее отсутствии, потому что автор не предназначал стихи к публикации.

Некоторые варианты представляют особый интерес. Так, в поэме «Ничто» читаем:

И пронеслась над нами
Гражданская война...

Вариант:

И пронеслась над нами
Румяная чума...¹⁰

В последнем случае сказано гораздо больше. Чума, ранее ассоциированная с черным цветом, теперь предстает красной и связана с революцией¹¹. Кроме того, вспоминается выражение «чахоточный румянец». То есть, речь идет о сочетании внешней бодрости и жизнерадостности с обреченностью на гибель. Это звучит гораздо сильнее, чем формальное к тому времени словосочетание «гражданская война».

В той же поэме о нэпманских двадцатых годах сказано:

А жизнь лирически текла,
И время раны врачевало...

Вариант:

А жизнь мечтательно текла
В холодном пафосе развала...¹²

Перед нами две очень разных мысли. В первом случае время зализывает раны гражданской войны, настраивая людей на лирический лад, что в целом благоприятно. Во втором случае время проходит в мечтах, поощряя медленное разрушение бытия, происходящее через эмоциональную холодность людей. Мысль очень сложная и глубокая. Неудивительно, что из-за своей сложности приведенные здесь вторые варианты не попали в предыдущие публикации.

Теперь обратимся к вопросу о публикаторском произволе. Приведу один пример — историю с Чаадаевым. В стихотворении «На блюдах почивают пирожные...» (1936–1937) есть строчка, которая во всех публикациях выглядит так:

Хоть искали иную обитель мы,
Всё же вынули мы ненароком
Жребий зватья страной удивительной,
Чаадаева мудрым уроком.

Но в подлиннике-то стоит «Чаадаева злобным уроком»¹³, а варианты в архиве отсутствуют. Есть подозрение, что поэта поправил другой поэт — первый публикатор этого стихотворения Е. А. Евтушенко, и здесь у комментатора широкое поле деятельности. Для Щиrowsкого суждение Чаадаева о России было результатом злобы как агрессивной реакции на существовавшие в его время порядки. То же самое определение он дает и своему собственному опыту проживания в Совдепии. В поэме «Ничто» читаем:

И быть не может. И отлично:
Нет Бога в мире, аз емь зверь.
Все радостно и неприлично
И все дозволено теперь.

В те годы появилась водка,
Икра, говядина и нэп...
До времени поникла плетка,
Был мир противен и нелеп,

Как паралитик исцеленный,
С трудом учащийся ходьбе.
А опыт зверский, злобный, сонный
Я до сих пор сберег в себе¹⁴.

Суждение Чаадаева о России, таким образом, было для поэта результатом озверения и отчаяния аристократа, привыкшего действовать. Евтушенко же, как и многие либералы 1980-х гг., считал Чаадаева просветленным мудрецом и созерцателем. Отсюда и эта правка, органично вписавшая творчество Щиrowsкого в эпоху его первой публикации, но явно нелепая в самом контексте его творчества.

Нельзя не сказать пару слов о публикаторских ошибках. Так, Евтушенко приводит строку «Легким снегом подернут путь», от которой любого ценителя поэзии бросило бы в дрожь. Что такое «легкий снег» и чем он отличается от тяжелого, тем более как им может быть подернут путь? Обратившись к подлиннику, читаем: «Легким инеем подернут путь»¹⁵. В рукописи два этих слова легко перепутать, но где было поэтическое чутье самого публикатора? Вот еще пример. Отрывок из поэмы «Ничто» в предыдущих публикациях начинается словами:

О время! Fin de siècle! Упадочные люди!
Единый божий жест — и вдвинута душа;
И юноша-студент берет дары свободы,
Лукавя старикам и милых дам смеша.

Никто не удосужился спросить себя, так ли уж плох поэт Щиrowsкий, срифмовавший «люди-свободы», или это мы поняли его плохо. В подлиннике, разумеется, «упадочные моды» и «вдунута душа»¹⁶. Тот же случай: два слова легко спутать в рукописи, но куда девался поэтический слух публикаторов?

Есть еще один сложный случай, который хотелось бы оговорить. В единственной копии стихотворения «Танец души» написано: «В белом сугробе сияет расселина»¹⁷. Но точнее было бы написать «зияет». Публикаторы либо оставляют как есть, либо меняют на «зияет», но эта перемена никак не оговаривается.

Не буду приводить здесь многочисленные примеры публикаторской небрежности, когда пропускались не только отдельные строки, но и целые строфы, или строки оставлялись без рифм. Все подобные огрехи были исправлены мной в процессе подготовки книги поэта¹⁸. Но остается еще одна проблема, о которой хочется сказать в заключение. Значительная часть стихотворений В. Щиrowsкого остается недоступной для публикации по причине крайней ветхости бумаги. В настоящее время несколько номеров архива находятся на реставрации (Д. 2, 4). Это, преимущественно, машинопись ранних стихов (1923–1934), предположительно, выполненная Е. Н. Щиrowsкой. После реставрации этой части архива нам откроются новые стихи, а вместе с ними и новые текстологические проблемы. Однако, основной вопрос, связанный с изданием Щиrowsкого, и в этом случае останется без ответа. В единственном известном нам архиве поэта нет стихотворений, написанных его рукой.

Примечания

- ¹ Огонек. № 36. 1989. С. 16 (серия «Русская муза XX века»). Здесь же опубликован и один из двух известных фотопортретов поэта.
- ² Новый мир. № 1. 1990. С. 164–167 (публ. А. Н. Доррер); Звезда. № 5. 1991. С. 3–5 (публ. Л. Г. Чашиной); Строфы века. Антология русской поэзии / Сост. Е. А. Евтушенко, науч. ред. Е. В. Витковский. М.-Минск, 1995. С. 501–508; Поэзия второй половины XX века / Сост. И. А. Ахметьев, М. Я. Шейнкер. М., 2002. С. 45–50; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне // Новая Библиотека поэта. СПб; 2005. С. 470–488.
- ³ Стихи Щиrowsкого привлекли мое внимание с момента первой публика-

ции. Осенью 2006 г. я ответил на анкету Евг. Витковского «Двадцать пять главных», где в последней пятерке («не гении, но чем-то близки») назвал имя Щиrowsкого. В ответ мне немедленно поступило предложение издать книгу Щиrowsкого по рукописям ЦГАЛИ. Так, благодаря счастливому случаю осуществилась заветная с начала 1990-х гг. мечта прочитать всего Щиrowsкого.

- ⁴ Щиrowsкий Владимир. Танец души. Стихотворения и поэмы / Сост. послесл. и комментарий В. В. Емельянова. М.: Водолей Publishers, 2007. Далее ТД.
- ⁵ О мифопоэтическом в творчестве Щиrowsкого, а также о круте чтения поэта см: Емельянов В. В. Владимир Щиrowsкий в садах двадцать первого века // ТД. С. 98–124.
- ⁶ <http://www.rvb.ru/nr/publication/02comm/01/schyrovsky.htm>. Основой для всех кратких биографических справок о Щиrowsком является биографический очерк, написанный А. Н. Доррер в 1990 г. (Д. 8; ТД. С. 90–97).
- ⁷ На первом листе обложки Д. 3 читаем надпись рукой Е. Н. Щиrowsкой: «Ранние стихи ленинградские и харьковские и Ничто». На последнем листе имеется стандартный ГОСТовский текст: «Тетрадь изготовлена в Ростове-на-Дону в 1954 г.».
- ⁸ Д. 7. Л. 2; ТД. С. 61.
- ⁹ Ей же адресовано стихотворение «Память» (ТД. С. 8–10).
- ¹⁰ Д. 1 = Д. 5. Л. 2–3; ТД. С. 132.
- ¹¹ Возможна связь с мандельштамовской «гиперборейской чумой» из стихотворения о революции «Кассандре» (декабрь 1917). Подсказано О. А. Лекмановым, за что ему самая сердечная благодарность.
- ¹² Там же.
- ¹³ Д. 5. Л. 4; ТД. С. 52–53.
- ¹⁴ ТД. С. 79.
- ¹⁵ ТД. С. 28, 128.
- ¹⁶ Д. 1. Л. 1; ТД. С. 72.
- ¹⁷ Д. 7. Л. 2; ТД. 61.
- ¹⁸ Однако и с моей стороны была вынужденно допущена одна вольность. Стихотворение «Как изъезжены эти пути...», написанное белым стихом, в подлиннике не имело надежной пунктуации. И я решил вовсе снять пунктуацию, что придало ему вид современного верлибра (ТД. С. 35–36).